

УДК 821.161.1(4).09

Кознова Н.Н.

Белгородский государственный университет

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ
В МЕМУАРАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ***

N. Koznova

Belgorod State University

**LITERARY PORTRAITS OF POLITICIANS IN MEMOIRS
OF RUSSIAN WRITERS-EMIGRANTS**

Аннотация. Предметом исследования в данной статье являются литературные портреты политических деятелей, созданные русскими писателями-эмигрантами (Г. Адамовичем, И. Буниным, З. Гиппиус, Б. Зайцевым, А. Куприным, Н. Тэффи, В. Ходасевичем) в мемуарной прозе 1920-1950-х годов. Автором доказывается важность постижения ключевых событий современной для мемуаристов эпохи – революции 1917 года, гражданской войны в России, эмиграции через призму восприятия исторических личностей и их влияния на ход отечественной истории. Образное осмысление текущих исторических событий, их воздействия на судьбы людей получило широкие возможности воплощения в мемуарах русских писателей.

Ключевые слова: литературный портрет, мемуары, писатели-эмигранты, история Отечества.

Abstract. The object of the research in given article is the literary portraits of politicians created by Russian writers-emigrants (G. Adamovich, I. Bunin, Z. Gippius, B. Zaytsev, A. Kuprin, N. Teffi, V. Khodasevich) in memoirs prose of 1920-1950s. The author proves the importance of comprehension of key events of a modern epoch for memoirists — revolutions of 1917, Russian Civil war, to emigration through a prism of perception of historic figures and their influence on a course of domestic history. The figurative judgement of current historical events, their influence on destinies of people has received ample opportunities of an embodiment in memoirs of Russian writers.

Key words: a literary portrait, memoirs, writers-emigrants, Fatherland.

Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны были вызваны к жизни не только желанием воскресить значимые вехи биографии авторов или их современников. Ко многим мемуаристам рано пришло осознание великой значимости своего времени, тех исторических событий, свидетелями которых они являлись. Н. Бердяев писал: «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб» [1]. В подобной обстановке вполне объяснимо стремление творческой личности постичь направление движения истории России и мира в целом, что неизбежно приводило к анализу значимых исторических явлений как отдаленных во времени, так и современных.

Однако история Отечества воспринималась эмигрантами не только через анализ ключевых событий прошлого, но и через оценку деятельности ведущих исторических фигур своей эпохи. Вопрос о роли личности в истории занимал многих писателей-мемуаристов. З. Гиппиус размышляла: «Историю делают не люди... но и люди тоже, в какой-то мере. <...> Если не видеть и не присматриваться к отдельным точкам в стихийном потоке революции, можно перестать всё понимать» [2]. В отличие от философов и историков, литераторы к осмыс-

* © Кознова Н.Н.

лению истории подходили более творчески, воплощая минувшее в художественных образах, воспроизводя в памяти не только события, но и лица, и судьбы их участников. Не случайно очерк-портрет — один из самых распространенных жанров мемуарной прозы Русского Зарубежья.

Жанр литературного портрета имеет глубокие искусствоведческие (берет свое начало от живописного портрета) и исторические (восходит к литературе XVIII в.) корни. Впервые данный жанр был использован во французской литературной критике (в работах Ш.-О. Сент-Бева), а в русской литературе его активное проявление отмечено в XIX веке в произведениях мемуарного характера: писательских воспоминаниях (например, И. Пущин об А.С. Пушкине, И.С. Тургенев о В.Г. Белинском), романе А.И. Герцена «Былое и думы» и др. Расцвет жанра литературного портрета приходится на рубеж XIX-XX вв., когда авторами портретов становились и прозаики, и поэты, и литературные критики: М. Горький, И. Бунин, А. Белый, В. Гиляровский, В. Вересаев, Е. Замятин, Ю. Айхенвальд, М. Цветаева, В. Ходасевич, А. Луначарский, Н. Михайловский, В. Розанов и др.

По мнению А.В. Ярковой, сегодня среди огромного многообразия литературных портретов можно выделить две крупные жанровые разновидности: «портрет как жанр критики (включая его разновидность — силуэт писателя) и портрет в его мемуарно-автобиографической форме» [3]. В.С. Барахов предложил более подробную жанровую типологию литературных портретов: «1) литературный портрет как жанр мемуарно-автобиографической литературы (особый раздел мемуарной литературы образуют воспоминания писателей о писателях); 2) литературный портрет как документально-биографическое повествование о давно умершем историческом деятеле, основанное на использовании всякого рода документов; 3) литературный портрет как жанр критики; 4) литературный портрет как жанр научно-монографического исследования о творчестве известного деятеля литературы, театра, живописи и т. д.» [4].

Начало изучения литературного портрета в отечественном литературоведении XX века связано прежде всего с творчеством М. Горького (работы В.С. Барахова, Е.Б. Тагер, В.Я. Гречнева и др.) [5], а также с жанром портрета в изобразительном искусстве (работы М.И. Андрониковой, К. Пигарева) [6]. Активно изучались в последнее время и жанровые разновидности литературного портрета, например, о портрете как литературно-критическом жанре писали М. Кораллов, А. Кудряшова, В. Смирнова [7], о портрете как монографическом исследовании — А.И. Павловский [8], о портрете как мемуарном жанре — И. Шайтанов [9].

И все же стоит признать, что литературный портрет более тесно связан с мемуаристикой и мемуарным очерком, являясь, по определению Е.Б. Тагер, «изображением конкретного лица, не вымышленного образа, созданного воображением художника, а единичной, «именованной» личности. <...> Сходство с натурой, достоверность воспроизведения реального облика современника — прямая задача портрета» [10]. Именно мемуарное повествование стремится к исторической точности, достоверности, внешнему сходству воссоздаваемого в произведении мира с реальным.

Обращение писателей-мемуаристов первой волны к событиям недавнего и далекого для них исторического прошлого неизбежно связано с изображением выдающихся исторических личностей. Среди мемуарных очерков эмигрантов, посвященных современникам, особо выделяются портреты общественных и политических деятелей, видных представителей культуры, военных. Наиболее часто в историко-литературных воспоминаниях упоминаются имена политиков: Ленина, Троцкого, Луначарского, Каменева, Керенского, Савинкова, а также военных: Деникина, Колчака, Краснова, Корнилова и др. Взгляды мемуаристов на роль каждого из них в исторической судьбе России глубоко индивидуальны, личностно субъективны, но, тем не менее, представляют большой интерес для определения сходных моментов в

мировоззренческих позициях эмигрантов первой волны.

Резко негативное отношение русской эмиграции к большевикам, как главным виновникам бед, выпавших на долю России, сказалось на создании литературных портретов пролетарских руководителей, которые, несмотря на большую историческую достоверность, в мемуарах приобретали карикатурно-памфлетный вид. Мемуаристы старались избегать многословия, описательности в характеристиках персонажей-политиков, но опирались на метафоричность в изображении этих фигур, добивались точности психологической детали, позволяющей на малом текстовом пространстве очерка раскрыть суть характеров, мотивы поведения. Сравнительный анализ портретных характеристик советских политических лидеров позволяет выявить тенденцию авторов-эмигрантов к намеренному снижению образов героев революционной эпохи, желание представить их обыкновенными, «средними» людьми. Такие мемуарные портреты резко полярны многочисленным хвалебно-одическим статьям, посвященным «героям революции» в советской прессе.

Например, в мемуарах Надежды Тэффи, вождь пролетариата В. Ленин, с которым еще до революции писательнице пришлось сотрудничать в газете «Новая жизнь», выглядел вполне заурядно, как «чиновник средней руки»: «...Плешивенький, коротенький, неряшливо одетый, [Ленин. – Н. К.] мог бы быть служащим где-нибудь в захолустной земской управе. Ничто в нем не обещало диктатора. Ничто не выражало душевного горения. Говорил, распоряжался точно службу служил...» [11]. В ходе повествования автор мемуаров углубляет психологическое несоответствие между внешним и внутренним обликом будущего всемирно известного политика: «Держа себя добродушным товарищем, он мало-помалу прибирал всех к рукам и вел по своей линии, кратчайшей между двумя точками. И никто <...> не был ему ни близок, ни дорог. Каждый был только материалом, из которого вытягивал Ильич нитки

для своей ткани» [11, с. 261].

Н. Бердяев, вспоминая о своей вологодской ссылке, где он имел возможность близко наблюдать Ленина, также особо подчеркивал умение Ильича подбирать «тот объединенный твердокаменной идеологией и железной дисциплиной <...> человеческий материал» [1, с. 386], который в будущем подготовил «железную» диктатуру пролетариата. А. И. Куприн сравнивал Ленина с хладнокровным и жестоким игроком, который «доступен волнениям лишь в области удачи или неудачи своей дьявольской шахматной игры» [12]. «Он не вождь: в нем нет пламени, легендарности и обаяния героя; он холоден, прозаичен и прост, как геометрический рисунок» [12, с. 238], — утверждал автор «Поединка». Г. Адамович в «Комментариях», опираясь на суждения Н. Бердяева, обвинил Ленина в политической недалекости, «индивидуалистическом» характере возглавляемой им революции, недумании о будущем России. По мнению Н. Бердяева, «основным побуждением Ленина была ненависть к бывшему русскому политическому строю и стремление к его разрушению» [13].

Можно обнаружить в мемуарных текстах эмигрантов определенную предвзятость, нацеленность на снижение образа при создании портрета Ленина, однако общие выводы писателей относительно личностных качеств вождя пролетариата оказались во многом схожими и исторически подтвержденными. Преобладающими в его характере были общепризнанные такие черты, как преданность идее, фанатизм, хладнокровие, безразличие к людям, отношение к ним как к материалу. Некоторые мемуаристы указывали на присутствие в облике Ленина мистических, «сатанинских», злых начал, объясняя тем самым и стихийно-катастрофический характер октябрьского переворота, и дальнейшую линию политического руководства государством.

Внешность Троцкого, по воспоминаниям А.И. Куприна, также вызывала неприязнь и не располагала к доверительному общению: «Широкий, нависший лоб с выдвинутым вперед верхом и над ним путаное, высоко

вздыбленное руно, глаза из-под стекол злобно скошены; брови сатанически вздернуты кверху, и между ними из глубокой впадины решительной прямой и высокой чертой выступает нос, который на самом конце загибается резким крючком, как клювы птиц-стервятников; <...> энергичные губы так плотно сжаты, что под ними угадываешь стиснутые челюсти и напряженные скулы, <...> острая тонкая бородка дополняет мефистофельский характер лица» [12, с. 132].

Некоторые черты мемуарного портрета Троцкого, представленного Куприным, вызывают ощущение мистического ужаса и обнаруживают злобное, животное начало, словно речь идет не о человеке, а о зоологической особи из отряда хищников. В подтексте прочитывается мысль: подобные «получеловеки» изначально, по самой природе своей лишены возможности нести в мир добро, любовь. Способы Троцкого управлять государством имели, по мнению писателя, разрушительный, «сатанинский» характер: «он разорял дома и города до основания и разметывал камни, он предавал смерти до третьего поколения, он наказывал лишением огня и воды...» [12, с. 237]. Однако становится очевидным, что подобные портреты отражают не только психологические, личностные особенности персонажа-политика, но ярко характеризуют авторское отношение к нему и тем историческим событиям, к которым сам автор был лично причастен.

Портреты других советских деятелей в мемуарах эмигрантов подверглись мистификации в меньшей степени, чем портреты Ленина и Троцкого, но также были лишены малейшего авторского расположения. Луначарского, Бухарина, Каменева Бердяев называл «представителями старой русской интеллигенции» в Кремле и подчеркивал, что их отношение к писателям и ученым было все же «иное, чем у чекистов»: «у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к утесняемой интеллектуальной России» [1, с. 495]. Однако Каменев, «хотя и был любезен, но приобрел уже вид сановника, носил шубу с бобровым воротником...» [1, с. 496],

был высокомерен и недоступен для общения с простыми людьми. Б. Зайцев рассказывал, как, попав на прием к Каменеву, нашел хозяина кабинета сидевшим «несколько развалившись, побалтывая под столом ногой» [14], но главное, партийный деятель не увидел перед собой человека и остался безучастным к его судьбе.

По замечанию Н.А. Тэффи, А.В. Луначарский при встрече также производил впечатление «барина» нового времени [11, с. 260]. В. Ходасевич, близко общавшийся с первым наркомом просвещения, подметил в нем проявление себялюбия, эгоизма и ярко отразил эти черты в речевой характеристике, жестах, мимике своего персонажа, который «говорил очень гладко, округленно, довольно большими периодами, чрезвычайно приятным голосом. <...> Любование собой сказалось в чрезвычайной пространности его речи, а ее плавности мешало непрестанное подрыгивание ногой» [15].

Неприятные чувства надолго сохранились у Ходасевича от общения с женой Каменева, Ольгой Давыдовной, возглавившей «от нечего делать» Театральный отдел. «Существо безличное, не то зубной врач, не то акушерка» [15, с. 292], — писал мемуарист, — «...живет в каких-то затверженных абстракциях, схемах, мыслях, не ею созданных; недаровитая, неумная, все-то она норовит стать в позу, сыграть какую-то непосильную роль, вылезть из кожи, прыгнуть выше головы...» [15, с. 305].

Н. Бердяев вспоминал, что о начальнике ВЧК Дзержинском ходили легенды: «Это имя <...> считалось кровавым и приводило в ужас всю Россию» [1, с. 502]. По мнению мемуариста, это был фанатик, преданный идее. «По его глазам он производил впечатление человека одержимого. В нем было что-то жуткое. <...> В прошлом он хотел стать католическим монахом, и свою фантастическую веру он перенес на коммунизм» [1, с. 504]. Бердяев пришел к выводу, что в стихии большевистской революции возникли новые лица, «с не бывшим раньше выражением». Другие, ранее известные, претерпели метаморфозу,

«появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные. <...> Это тип столь же милитаризованный, как и тип фашистский» [1, с. 493]. Уничжительное суждение о советских деятелях, на тот момент управляющих страной, прозвучало в дневниковых записях З. Гиппиус: «Россией <...> распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно» [8, с. 21].

Негативные характеристики большевистских вождей в мемуарных портретах, созданных писателями-эмигрантами, сопрягались с подобными же отрицательными характеристиками участников революционных событий, составляющими массовый портрет российского «пролетариата». И.А. Бунин в «Окаянных днях» неоднократно свидетельствовал о том, что новая история создавала своих «героев». Их можно было встретить, например, на Лубянке, где часто проходили митинги: «Рыжий, в пальто с каракулевым круглым воротником, с рыжими кудрявыми бровями, с свежее-выбритым лицом в пудре и с золотыми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говорит о несправедливостях старого режима. Ему злобно возражает курносый господин с выпуклыми глазами». К ним прислушиваются мужик «с бледными вздутыми щеками и седой бородой клином», <...> подходят два солдата «с подсолнухами в кулаке». Многие из них «не понимают» сказанного оратором, смотрят «недоверчиво и мрачно», на лицах «играет злая и веселая улыбка, пренебрежение» [16].

Портреты представителей революционно настроенной толпы, воссозданные Буниным, беспощадно остры, емки и точны, но в них совершенно отсутствуют прекрасные человеческие черты. Глаза прохожих пусты, внутренне мертвы, позы лишены естественности. Грань между подлинными лицами и сатирически созданными рукой художника

гротескными портретами оказалась почти неуловимой. Жизнеподобие и фантастика, гипербола и натурализм в текстовом пространстве «Окаянных дней» тесно переплетены, подобно современной автору действительности.

Изначально определив характер новой истории XX века как апокалиптический, писатели-эмигранты и в дальнейшем пытались трактовать политические события 1910–1920-х годов с точки зрения Истории Библейской. И. Бунин, например, обратился к Книге пророка Иеремии, оплакивавшему Иерусалим, разрушенный царем вавилонским, и пришел к выводу, что пришествие безбожников-большевиков к власти, овладение ими древней православной столицей, крушение духовных устоев общества по своей разрушительной силе не уступало историческим катаклизмам древнего мира. Писатель цитировал страницы Библии: «Мир, мир, а мира нет. Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их» [16, с. 25]. Именно большевиков, во главе с Лениным и Троцким, развязавших террор и гражданскую войну, обрекших народ на страдания, писатель называл «нечестивыми», находя в них проявление злобных мистических сил, враждебных человеку.

Иными выглядели в воспоминаниях эмигрантов портреты героев Февральской революции, в которой старая русская интеллигенция увидела надежду на спасение России. В отношении к этим «героям времени» ощущались авторские симпатии и благосклонность, вполне очевидна положительная оценка их деятельности, что выражалось риторически возвышенным тоном повествования, яркими меткими эпитетами, афористичностью фраз-характеристик.

Например, А.Ф. Керенский запоминался многим как отличный оратор. В него «толпа влюблялась и плакала от восторга», — вспоминала З. Гиппиус. — «В нем было что-то живое. Порывистое и — детское. Несмотря

на свою истерическую нервность, он тогда казался нам дальновиднее и трезвее многих» [2, с. 9]. Уважительно отозвалась мемуаристка о генерале Л.Г. Корнилове: «Честный и прямой солдат. Он, главным образом, хочет спасти Россию. Если для этого пришлось бы заплатить свободой, он заплатил бы, не задумываясь» [17]. «Корнилов — это, значит, опора войск, защита России, реальное возрождение армии; Керенский и Савинков — защита свободы» [17, с. 293].

Портретные характеристики и эмоционально-субъективные оценки писателями центральных политических фигур революционной эпохи обобщали позицию эмигрантов в отношении к новейшей истории России. Неприятие большевизма, государственной власти и системы отношений между людьми в новой России сохранялось в эмигрантских кругах надолго, что сказалось на характере литературных мемуарных портретов большевистских лидеров, отразилось на отборе авторами художественных средств их изображения. Но чувство горечи от утраченных надежд, от поражения Февральской революции не снизило в глазах эмигрантов значимости ее героев, приведя мемуаристов к неизменному выводу: «люди (воля) что-то весят в истории» [17, с. 252].

Итак, писатели-эмигранты, пытаясь глубже проникнуть в движение российской истории, аналитически подходили к прошлому и современному им политическому состоянию мира. История Отечества изучалась и воспринималась ими через призму традиций русской национальной культуры и личного опыта, синтезировавшего наблюдения, переживания и осмысление ключевых исторических событий и исторических личностей. В мемуарах эмигрантов ясно прочитывалась позиция неприятия политических перемен в России, открыто проявленная в авторских комментариях, прямых оценках, отборе реальных фактов и их художественной интерпретации, что неизменно сказывалось на создании мемуарных портретов современных им политических деятелей и массовых портретах участников революционных собы-

тий. Нередко авторы мемуаров, сопоставляя прошлое и настоящее, прибегали к мифологизации, апеллировали к религиозной символике, опирались на выводы философов, историков-современников, что оказывало влияние не только на эстетический характер мемуарной прозы, но и оправдывало двойственность позиций авторов-повествователей, с одной стороны, выполнявших функцию летописцев, с другой, — литераторов, художников слова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. — М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2006.
2. Гиппиус З.Н. Собр. соч. Т. 9. Дневники 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников. — М.: Русская книга, 2005.
3. Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922–1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. Монография. — СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002.
4. Барахов В.С. Искусство литературного портрета. Горький о В.И. Ленине, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове. — М.: Наука, 1976.
5. См. Барахов В.С. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1960; Тагер Е.Б. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького // О художественном мастерстве М. Горького. — М., 1960. — С. 375–418; Гречнев В.Я. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького: Воспоминания о писателях. — М., 1964.
6. См. Андроникова М.И. Об искусстве портрета. — М., 1976; Пигарев К. Русская литература и изобразительное искусство (XVIII – первая четверть XIX века). Очерки. — М., 1966.
7. См. Кораллов М. Образ личности и облик эпохи: Штрихи к портретам и монографиям // Литературное обозрение. — 1973. — № 7. — С. 79–84; Кудряшова А. Жанр литературной биографии // Вопросы литературы. — 1972. — № 9. — С. 190–194; Смирнова В. Искусство портрета. — М., 1967.
8. Павловский А.И. О литературном портрете в «истории русской советской литературы» // Русская литература. — 1973. — № 4.
9. Шайтанов И. «Непроявленный жанр», или Литературные заметки о мемуарной форме // Вопросы литературы. — 1979. — № 2. — С. 50–77.
10. Тагер Е.Б. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького // О художественном мастерстве М. Горького: сб. статей. — М.: Изд. АН

- СССР, 1960.
11. Тэффи Н.А. Моя летопись. – М.: «Вагриус», 2005.
 12. Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919–1934. – М.: «Собрание», 2006.
 13. Адамович Г.В. Комментарии // Адамович Г.В. Одиночество и свобода. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
 14. Зайцев Б.К. Москва // Зайцев Б. К. Собрание соч. в 3 т. — М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. — Т. 2.
 15. Ходасевич В.Ф. Белый коридор // Ходасевич В.Ф. Перед зеркалом. – М.:ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
 16. Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Окаянные дни: Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1992.
 17. Гиппиус З.Н. Синяя книга // Литература русского зарубежья. Антология: В 6 т. – М.: «Книга», 1990. – Т. 1, кн. 2.

УДК 821.161.09

Шестопалова Г.А.

Московский государственный областной университет

ИНТЕРЕС М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА К СОВМЕСТНОМУ С ФОЛЬКЛОРИСТАМИ РЕШЕНИЮ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ*

G. Shestopalova

Moscow State Regional University

M. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S INTEREST TO A COMPLEX SOLVING OF SCIENTIFIC PROBLEMS WITH FOLKLORISTS

Аннотация. Талант и научная образованность позволили М.Е. Салтыкову-Щедрину сделать много ценных наблюдений в области изучения фольклора. Сатирик интересовался не только литературной, но и научной жизнью своей эпохи. Он следил за развитием фольклористики, коллекционировал пословицы, выступал с дискуссиями по вопросам фольклористики на страницах своих произведений. Салтыков-Щедрин был сторонником исторической школы русской фольклористики, он разделял идеи А.Н. Пыпина и А.Н. Веселовского. Все жанры фольклора сохранили свою жизнь в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: школы, направления, учение, коллекция, фольклор, фольклористы, литератор, писатель, изучать, статья.

Abstract. M. Saltykov-Shchedrin made many valuable observations in folklore. The satirist was interested not only in literature, but also in scientific life of his epoch. He was following the development of folklore, collected the proverbs and sayings, took part in discussions about the questions of folklore in his literary works. Saltykov-Shchedrin was a supporter of the historical school of Russian folklore, he supported the ideas of A. Pypin and A. Veselovsky. All folklore's genres live in Saltykov-Shchedrin's works.

Key words: school, direction, learners, collection, folklore, writer, research, essay.

В интеллектуальной жизни русских литераторов XIX века важное место стала занимать молодая наука об устном народном поэтическом творчестве, которая в России на протяжении столетия проходит все главные фазы своего развития.

* © Шестопалова Г.А.